

Е. В. Бурлуцкая (Банникова)**Город создаваемый и создающий. Пореформенный Оренбург как пространство повседневности купечества**

В статье на материалах Оренбурга второй половины XIX — начала XX века исследуется проблема взаимного влияния горожан и городского пространства. На основе архивных данных и сведений из опубликованных источников анализируется специфика состава купеческого сообщества пореформенного Оренбурга и особенность купеческой застройки города. Выделяются наиболее распространенные типы купеческих домовладений. Проводится связь между личностями владельцев особняков и усадеб, их профессиональной деятельностью и групповой психологией. Автор приходит к заключению, что своеобразный этнический, религиозный, поселенческий состав оренбургского купечества оказывал значительное влияние на городское пространство, формируя его в соответствии со своими запросами и вкусами. В свою очередь, складывающаяся городская среда формировала уже новые поколения оренбургских предпринимателей.

Ключевые слова: повседневность, город, провинция, купечество, предприниматели, городское пространство, особняк, усадьба.

Проблематика тесной взаимосвязи среды обитания человека и его повседневных жизненных установок в настоящее время представляет собой востребованную у исследователей сферу научных интересов. Характеристики внешнего облика или интерьеров домов представителей определенных сословных или профессиональных групп все чаще включаются в труды по истории повседневности. В контексте взаимосвязи вещных условий повседневного домашнего быта и психологии субъекта к указанному предметному полю чаще обращаются философы и культурологи.

Так, например, в статье кандидата философских наук С. М. Фроловой предложена трактовка понятия «пространства повседневности», понимаемого как «обустроенные в соответствии с субъективными потребностями, имеющимся опытом и здравым смыслом территории, в рамках которых реализуются личностные предпочтения субъектов в процессе повседневного бытия» [35, с. 123]. Автор подчеркнул, что внешний облик и интерьер жилища «несут информацию не только о природных и климатических условиях, историческом времени его создания, технических и экономических достижениях определенных эпох, но даже о психологической атмосфере и нормативах организации повседневного бытия» [там же, с. 124].

В статье историка Л. А. Лернер утверждается, что расположение «жилья в городе, строительные материалы, поведение людей как застройщиков, собственников, жильцов, соседей; декор и его функции — все это можно назвать невербальным языком повседневности, который отражает особенности эпохи, специфику жизненного уклада и ценностных ориентиров владельцев жилого помещения» [18, с. 205]. Исследователей все чаще стали интересовать купеческие городские усадьбы, воплощающие в себе весь образ жизни российских предпринимателей [16, с. 60]. Обратили на себя внимание и рабочие сооружения купцов — мельницы, магазины и торговые дома [14; 32]. По мнению культуролога О. Н. Судаковой, город вообще «можно принять за максимальное пространство культуры повседневности российского купечества» [31, с. 185], «присвоенное и упорядоченное капиталами различных видов, дающими право символического господства торгово-промышленного сословия над обитаемым пространством и доступа к частным или общественным благам и услугам» [там же, с. 187]. По словам историка из Ярославля Н. В. Обнорской, именно купечество «определяло социально-экономическую и духов-

© Бурлуцкая (Банникова) Е. В., 2018

ную жизнь города на протяжении нескольких столетий. Деловые качества и повседневная жизнь, вкусы и отношения с Церковью ярославского купечества сформировали уникальный исторический облик города» [25, с. 56—57].

Соглашаясь с исследователем-философом Ю. Л. Балюшиной в том, что «город есть продукт деятельности человека, а горожанин — результат существования города» [2, с. 40], можно говорить о том, что купечество, возводя свои дома, особняки и усадьбы, с одной стороны, формировало пространство повседневности всего города, а с другой — создавало для самого себя сферу повседневного существования в этом городе, воспроизводящую затем новые поколения предпринимателей. От характера этого пространства — общегородского или ограниченного рамками какой-то его части, одной улицы или одного здания — зависел характер повседневности его обитателей, выражающийся в их образе жизни и мыслей. Доктор исторических наук И. В. Маслова, рассуждая о необходимости изучения «городских смыслов», заметила, что они «во-первых, выступают как формы, опосредующие объективную реальность; во-вторых, являются элементами, конструирующими политическую, экономическую, культурную и т.д. действительность» [21, с. 181].

Особенности городского пространства купеческих городов, городской купеческой архитектуры исследователи видели в многоэтажной (два и более этажа) каменной застройке, нарядных фасадах домов, усадебном характере строений, функциональности зданий [18]. Купеческим городским усадьбам, по мнению исследователей, были присущи «камерность, лиризм, уединенность и умиротворенность — неотъемлемые свойства всякой провинции» [20, с. 13].

Специфика Оренбурга как города, на наш взгляд, заключалась в осязаемой «пестроты» городского сообщества. Люди приезжали в Оренбург чаще всего по делам службы: дворяне в качестве чиновников или высших офицеров, купцы — для заключения торговых сделок. По данным переписи 1897 г., среди жителей Оренбурга иногубернское происхождение имели 16 587 мужчин и 12 024 женщины, а уроженцами других государств были 109 мужчин и 50 женщин [26, с. 20]. От общего числа горожан 72 425 душ обоего пола жители других губерний и государств составляли почти 40%. Чаще всего в Оренбург приезжали жители Казанской, Самарской и Уфимской губерний и областей Средней Азии, а из иностранцев — уроженцы Германии [26, с. 22—26].

Большой процент людей неместных, этническое и религиозное разнообразие горожан, удаленность губернской столицы от центра с его сложившимися традициями и социальными нормами, присутствие «ссылного элемента» создавало пространство для большей свободы поведения, самовыражения, которые проявлялись в том числе и через архитектуру.

В Оренбурге в конце 70-х гг. XIX века, по сведениям Ф. И. Лобысевича, числилось 1375 душ купцов обоего пола (3,8% от 35 969 горожан обоего пола) [19, с. 7]. По данным Переписи 1897 г., купечество насчитывало в Оренбурге 872 души обоего пола, или 1,2% от всех горожан [26, с. 1—2]. Если прибавить к этому числу 619 душ обоего пола личных и потомственных почетных граждан [26, с. 26], которые преимущественно принадлежали к купечеству, то можно заключить, что общая доля коммерсантов в составе городского населения Оренбурга составляла 2,1%. Однако именно купечество стало сословием, сформировавшим архитектурный облик города конца XIX века.

По замыслу основателей столицы губернии Оренбург должен был стать островком порядка в окружающем беспорядке азиатских степей. Правильные, широкие улицы, параллельные или перпендикулярные друг другу, должны были формировать городские кварталы. Посреди города, на берегу Урала и на противоположном ему конце города планировались большие плац-парадные площади. Однообразные типовые дома («четыре фа-

сада для домов каменных, 5 фасадов для домов деревянных на каменном фундаменте, 6 фасадов домов «самой меньшей пропорции деревянных» и 7 фасадов домов военно-служащих нижних чинов» [30, с. 229]), свободно расположенные вдоль улиц, предполагалось сопровождать палисадниками с изящной оградой. «Все стройно, красиво, и все подходит под известную мерку, не режет глаз, и во всем виден порядок и надзор» [30, с. 231].

Оренбург должен был представлять собой некое миниатюрное подобие Петербурга (что, кстати, и отмечается многими туристами, посещающими сегодня центральную часть города) — демонстрировать на окраинах империи особую регулярность и государственность, основательность и мощь, производя впечатление прежде всего на соседей-кочевников. Однако «крепостное» состояние Оренбурга создавало в плане застройки для местных жителей большие проблемы. Городские строения находились в полном распоряжении войскового начальства, дворовые участки выдавались не в собственность, а в пользование, а обывательские дома в любой момент могли быть предписаны к сносу или переносу на другое место. До 1862 г. ни один из домовладельцев не имел купчих крепостей на свои дворовые места. Поэтому мало кто решался строить что-либо капитальное и красивое. Правда, к концу существования крепости, в середине столетия, строительные правила соблюдались уже не всегда и не всеми, и в прежде временном поселении каменные дома стали возникать все чаще. Так, одними из первых каменный дом недалеко от западных границ крепости выстроили купцы Деевы (на перекрестке современных улиц Кирова, 12 и Кобозева, 37).

В 1859 г. на каменный двухэтажный дом оренбургских купцов 1-й гильдии Степана и Николая Михайловичей Деевых «с подвальным под ним помещением, выходом и подлежащими к нему каменными жилыми и холодными службами» во 2-й части города было наложено запрещение предоставлять его в залог «по казенным и коммерческим делам» на 6 лет. Дворовое место занимало 12 саженей (25,5 м) по ул. Гостинодворской (совр. Кирова) и 22,5 сажени (48 м) на всю глубину квартала. Дом был оценен в 15 287 р. 41 ½ к. [29, с. 2775]. Указанная сумма являлась кредитом, выданным Деевым под залог дома на 6 лет. Вместе с утверждением закладной крепости и отметкой в реестре старший нотариус налагал на заложенное имение запрещение закладывать его повторно, о чем делалась публикация в «Сенатских ведомостях». Таким образом, в данном случае дом выступал гарантом финансовой стабильности купцов.

Однако подобное вложение денег для Оренбурга 1850-х гг. было редкостью. Чаше на городских улицах можно было увидеть полуземлянки и избы, подпираемые, чтобы не упали, снаружи бревнами. Да и коренных горожан, обладающих средствами для масштабного строительства, в Оренбурге практически не было. Чиновничество проживало в городе чаще всего по долгу службы, а не по доброй воле, рассматривая пребывание в Оренбурге как временный этап. Купечество также не спешило обосновываться в городе на постоянной основе, предпочитая приезжать сюда только по торговым делам. Состав купеческого сообщества постоянно менялся. На протяжении первой половины XIX века в купеческом сообществе Оренбурга свой сословный статус сохранили лишь три династии — Деевы, Худайбердыевы и Панфиловы [3, с. 290].

Только после упразднения крепости в 1862 г. началась разбивка новых городских кварталов за линией бывшего крепостного вала и торги на их приобретение. Соответствие городской застройки ранее начертанному плану, внешнее структурирование городского пространства, требование упорядоченности домостроений неизбежно должны были влиять на будущих домовладельцев, заставляя их подчиняться решениям властей. Самые выгодные места тут же были выкуплены купцами. Купец Ладыгин заплатил за место 1050 р. 10 к., купец Савинков — 777 р., купец Сипайлов — 233 р. 15 к. [30, с. 190].

По мнению В. В. Дорофеева, «жилые постройки в Оренбурге 60—70-х гг. не отходили от традиций, соответствуя определению о традиционности архитектуры жилья. Предпочтение отдавалось бревенчатым домам на каменном фундаменте, были и дома “на каменном полуэтаже”, то есть с цокольным этажом» [15, с. 98].

В центральной части города возводились дома с мезонинами, оживлявшие застройку. Жители слобод могли позволить себе такую роскошь довольно редко. Там, как правило, строились одно- или двухэтажные деревянные дома с каменным подвалом или первым этажом, а выход из дома устраивался во двор, как это делалось раньше всюду. Однако богатые коммерсанты, проживающие в слободах, демонстрировали свою состоятельность тем, что строили свои дома на манер жителей центральных районов города. Примером может служить дом купца М. В. Савельева на перекрестке улиц Петропавловской и Троицкой (совр. Краснознаменной и Кобозева).

Другой такой «дом с мезонином», крытый железом, рядом с которым располагалась кухня, два деревянных флигеля, холодные службы, каменная палатка с выходом, также крытые железом, был построен в квартале, ограниченном сегодня улицами Пионерской, Милиционерской, Чернореченской и переулком Банным, и принадлежал Лукерье (Гликерии) Васильевне Мякинковой [8, л. 19 об. — 20]. Иногда дома с мезонинами возводились «смешанные» — на каменном первом этаже высились деревянные постройки второго этажа и надстройки. Таким, например, был дом оренбургского городского головы (1879—1883 гг.) купца Михаила Ивановича Карандакова в третьей части города [8, л. 84 об. — 85].

Помимо упразднения крепости важную роль в изменении городского ландшафта Оренбурга сыграли пожары. В «Путешествии по русским городам» [27] Е. И. Рагозин замечал, что в Оренбурге частенько «дворы каменных домов застраиваются вплотную деревянными надворными строениями». Так, рассказывая о постройке дома купцом Дмитрием Дегтяревым, П. Н. Столпянский заметил, что тот начал строиться «по обыкновению российского обывателя с нарушением строительного устава» [30, с. 51]. По словам Рагозина, провинция не поняла иронии грибоедовского выражения «пожар способствовал ей много к украшению» и с помощью пожаров постепенно расчищала города от старых и уродливых строений.

Бедствия 1864, 1879, 1888 годов, с одной стороны, приносили домовладельцам колоссальные убытки. Наряду с постройками, явно уродующими городской ландшафт, пожарами были уничтожены и образцы благополучного деревянного купеческого домостроительства. В силу этого обстоятельства нам сложно представить, как именно выглядел деревянный Оренбург первой половины XIX века. Пострадали и каменные постройки. «Европейская гостиница» купца Ладыгина сгорела в пожаре 1879 г., когда, по словам одного из членов Оренбургской городской думы, «за одну банку воды платили по 10 руб., как, например, купец Семенихин», а другие горожане «с безмолвной безнадежностью» стояли и смотрели «на сокрушающую силу пламени» [12, л. 35]. Купец А. С. Каретников потерял в пожаре все свое имущество и вскоре скончался.

Однако после пожаров купцы охотнее стали возводить каменные дома, более устойчивые к таким бедствиям. Каменное сооружение, помимо чисто утилитарной функции, являло собой идею прочности, стабильности, уверенности в будущем. Город, наконец, занял свое окончательное положение в пространстве империи. В итоге к концу века Оренбург обрел вид, приличествующий губернской столице. После упразднения крепости и последующего переноса пограничной линии Оренбург все менее напоминал город военных и чиновников и все более становился торговым центром юго-восточной окраины Российской империи, приобретая все более «купеческий» облик.

Преобразование «деревянного» города в «каменный» с помощью купечества можно было наблюдать не только на примере Оренбурга. Коммерсанты другого провинциального города, Елабуги, стремясь избежать пожаров, во второй половине столетия также стали возводить преимущественно каменные дома. Как указывает И. В. Маслова, в городе стали формироваться «целые улицы, застройка которых соответствовала уровню жизни и социальной принадлежности их жителей». На центральной Большой Покровской улице располагались исключительно каменные двухэтажные особняки и усадьбы купцов 1-й гильдии. Параллельная ей улица Казанская застраивалась каменными домами и лавками гильдейского купечества [22, с. 111].

Многоликость оренбургского городского купеческого общества, принадлежность коммерсантов к различным этносам, конфессиям, их различное сословное и территориальное происхождение, а также сжатые сроки, в которые требовалось осуществить строительство дома, к примеру после пожара, привели к тому, что в городской частной каменной купеческой застройке не сформировалось стилевого единства. Сказывалось и отсутствие в губернской столице достаточного числа профессиональных архитекторов. Купеческие дома в Оренбурге как будто были собраны из разных регионов Российской империи и произвольно расставлены вдоль городских улиц. Вероятнее всего, будущий владелец особняка, обращаясь за помощью в создании проекта дома, приносил для образца рисунок или фотографию здания, приглянувшегося ему во время поездки на ярмарку или уже построенного в родном городе предпринимателя.

Причем каждый крупный коммерсант стремился к тому, чтобы его особняк выделялся на фоне других купеческих построек. В итоге в одном квартале могли появляться дома, выполненные в совершенно разных архитектурных решениях. Так, например, в пер. Хлебном сохранились два купеческих особняка — В. Д. Гершен-Горина и И. А. Зарывнова, построенные примерно в одно и то же время. Гершен-Горин был одним из нескольких десятков оренбургских еврейских торговцев, приехавших в столицу губернии из западных регионов империи в 80-х гг. XIX века [1, с. 26]. Иван Алексеевич Зарывнов происходил из купеческой семьи, перебравшейся в 1860-х гг. в Оренбург из Нижегородской губернии [5, с. 31].

В. В. Дорофеев описывал эти постройки так: «Стройное здание с шестью проемами на этаж, на верхнем четыре из них оконные, на первом один из них дверной, расположен на левой стороне лицевого фасада, над ним балкон, симметрично которому другой балкон на правой стороне. <...> Рядом... в том же стиле, но решенный иначе, дом купца Зарывнова. Лицевой фасад, Г-образной в плане постройки, выходит на переулок. <...> Двухэтажное здание с мезонином, лицевая стена которого имеет барочный характер и фланкируется волютами, четко делится на бельэтаж с его высокими оконными проемами с разорванными сандриками и пр. и нижний, служебный, со значительно более низкими проемами в утяжеленном бриллиантовыми рустами этаже» [15, с. 120—121]. Таким образом, купечество не стремилось создать единый городской ансамбль, выполненный в рамках какого-то стилевого решения. Нет, на первый план выходила индивидуальность, демонстративность, самопрезентация.

Купцы «из крестьян» при строительстве собственных домов могли ориентироваться на другие образцы. Л. А. Лернер, например, подчеркивала: «Внешние формы быта провинциального купечества устойчиво сохраняли формы, восходящие к зажиточному крестьянству» [18, с. 209]. М. И. Лавицкая, говоря о купцах Орловской губернии второй половины XIX — начала XX века, отмечала «своеобразие купеческого быта, который еще сохранял черты патриархальности» [17, с. 37]. Купцы, происходившие из крестьянских семейств, при строительстве своих городских домов повторяли эстетические прин-

ципы привычной им зажиточной крестьянской среды. Так, например, Ф. П. Дегтярев, купец 2-й гильдии, почетный блюститель при Оренбургском духовном училище, неподалеку от Покровской церкви имел «деревянный дом и флигель на каменных землянках, крытые железом, прачечную, крытую тесом, и деревянные службы, крытые железом» [8, л. 17 об. — 18]. Дегтяревы появились в Оренбурге в начале 1830-х гг., перечислившись в оренбургское купечество из государственных крестьян Кардаиловской волости Оренбургского уезда Оренбургской губернии [23, л. 50 об. — 51].

Купцы, не обладавшие лишними средствами, могли придавать дому большую презентабельность, обкладывая деревянное строение кирпичом. Так, например, поступили со своими деревянными домами в третьей части Оренбурга купцы Иван Степанович Пронозин, Иван Александрович Свешников, купчихи Елизавета Исаевна Константинова и Авдотья Алексеевна Ванина [8, л. 12 об., 13, 16 об., 17, 18 об., 19, 89 об., 90]. Во второй части города таким же образом были выстроены дома купцов Натана Иосифовича (Антонна Осиповича) Леска, уроженца г. Вильно, перебравшегося в конце 1880-х гг. в Оренбург, и Павла Феофистовича Кононова [7, л. 18 об., 24 об.].

Еще один вариант домовладельцев представляли оренбургские предприниматели во втором-третьем поколениях. «Послужные списки чиновников губернских, уездных и городских учреждений за 1894—1900 гг.» [10] содержат сведения о происхождении ряда оренбургских купцов. «Из купеческих детей» с «домашним воспитанием» вышли Иван Петрович и Гавриил Петрович Оглодковы [10, л. 30 об., 250 об.], Иван Борисович и Федор Борисович Сачковы [10, л. 39 об., 105 об.], Никифор Прокофьевич Савинков [10, л. 93 об.], Михаил Иванович Карандаков [10, л. 183 об.] и др. Оренбургскими купцами в третьем поколении были Деевы, Мякиньюковы, Путоловы.

Дома оренбургских коммерсантов второго-третьего поколений наглядно демонстрирует «Оценочно-раскладочная ведомость недвижимых имуществ в г. Оренбурге на 1890 год. Часть третья» [8]. Так, Н. П. Савинков, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, директор Губернского попечительского комитета о тюрьмах, был владельцем «каменного с антресолю» дома и «корпуса холодных служб на 10 отделений», крытых железом, в 109 квартале (современные ул. Володарского, Кобозева, 9 Января и пер. Хлебный) [8, л. 4 об. — 5].

Особенностью «дома с антресолю» было соединение двух частей здания под одной крышей. Официальная, гостевая часть возводилась одноэтажная, а камерная, для «личного использования» — двухэтажная. В официальной части с высокими потолками располагались столовая и гостиная залы. Другая половина здания была поделена на два этажа низеньких комнат, верхние из которых назывались антресолями. В них были спальни хозяев и прислуги, а также прочие хозяйственные помещения. Таким образом, даже купец 1-й гильдии не слишком баловал самого себя удобством, уделяя первоочередное внимание помещениям, предназначенным для гостей. Аналогичные антресоли можно было наблюдать в домах купца Н. И. Потешина («антресоля из сырцового кирпича»), купеческой жены Е. В. Мазовой [7, л. 2 об., 3 об.].

Во второй половине столетия внимание в основном было обращено на функциональную сторону архитектуры. Свойственный XIX веку «дух практицизма» стал все более ощутимо влиять на внешний облик купеческих особняков. От построек в стиле классицизма и ампира, предполагавших обязательное наличие декоративных элементов определенного ордера, купечество постепенно переходило на эклектику с ее упрощенным подходом к отделке. Удачным выбором становился и так называемый «кирпичный стиль», при котором декоративные элементы выполнялись из того же кирпича, что и основное здание, при этом эстетическое значение приобретала сама кирпичная кладка стен.

В таком стиле строили обычно двухэтажные дома. При строительстве «применялся наряду с лицевым кирпичом (кирпич высокого качества, который входит в структуру кладки внешней стороны стены) еще лекальный (кирпич разного криволинейного профиля) в карнизах, сандриках и т. п.» [15, с. 101]. Дома располагались вдоль линии улиц, образуя собой главные городские магистрали. Однако в отличие от Петербурга здания не примыкали друг к другу вплотную, разделяясь дворами, огороженными заборами или оградами. Этому способствовала «беспримечательная свобода поселения».

Местной администрации до открытия железнодорожного сообщения Оренбургской губернии с Центральной Россией приходилось прилагать значительные усилия для закрепления населения в этих не слишком комфортных для жизни местах, в том числе и с помощью предоставления недорогих участков для строительства. Современники отмечали сравнительную дешевизну «усадебных мест» в Оренбурге, «без толку отводимых для водворения», что соблазняло «даже байгуша-бедняка стать домовладельцем» [24]. Доступность цен на землю позволяла не слишком экономить на пространстве, что в итоге способствовало оформлению больших купеческих усадеб (В. Е. Мякинкова, И. А. Зарывнова, А. Г. Филиппова, П. Н. Оглодкова, Н. Ф. Сипайлова, П. И. Серякова, Н. Ф. Мальнева и др.), располагавшихся преимущественно во II и III частях города (в Старой и Новой слободках, на Аренде).

К вновь возводимым в городе домам применялись нормы Строительного устава, которые, однако, соблюдались далеко не всеми застройщиками. Глава третья шестого раздела Устава «О частных зданиях в городах» [34, с. 232—235] преимущественно регламентировала меры соблюдения пожарной безопасности. Строительный устав обязывал застройщиков выдерживать расстояния между постройками, запрещал пристраивать к каменным домам деревянные помещения, лестницы, галереи, «которые, кроме безобразия, угрожают опасностью в случае пожара» [34, с. 233], запрещал строительство мансард над вторыми этажами и мезонинами деревянных домов. Однако, например, в Старой слободке к западу от городской черты, заселяемой преимущественно купцами, по словам Столпянского, кварталы устраивались «без всякого соблюдения строительного устава — построил человек дом, рядом с ним строился другой, — возникал переулочек, улица, носящая название первого владельца...» [30, с. 42].

В Старой слободке возникли Деевская и Дюковская площади, Деевская и Дюковская линии, Кривцовская улица, Карандаковский переулочек, названные так по имени купцов, построивших в этом месте первые или наиболее крупные сооружения. Думается, что проживание на улице или в переулочке, названном по имени коммерсанта, накладывало на этого купца и его потомков определенные обязательства — построить и содержать в приличном состоянии крепкий дом, облагородить палисадником участок улицы перед домом. По улицам Чичерина, Яицкой, Пролетарской, Ленинской, переулочку Ивановскому и сегодня можно видеть большое число по-прежнему крепких купеческих домов.

Иногда дома представителей одной купеческой династии занимали практически весь квартал. Такую картину, например, можно наблюдать в районе улицы Пионерской, где была выстроена усадьба оренбургского купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина Василия Ефимовича Мякинкова (современное здание ЗАГСа, ул. Пионерская, 9), а по соседству располагались дома его родственников. В одном из архивных дел содержится информация о том, что в 1904—1905 гг. в квартале по Банному переулочку, неподалеку от особняка В. Е. Мякинкова, его наследникам — Владимиру и Леониду Поповым, внукам Василия Ефимовича, были «разрешены постройки вновь домов, пристроек к ним и исправления существующих строений уже оконченные и оцененные» [9, л. 216]. На участке по Карандаковской улице (современная Милиционерская), шедшей

параллельно улице Кривцовской — Пионерской, Владимир и Леонид тогда же построили каменный двухэтажный дом с подвалом, крытый железом, каменный двухэтажный флигель с подвалом во дворе и деревянные холодные службы на один скат, крытые железом [9, л. 216].

Мякиньюковы вообще были солидными домохозяевами: по данным за 1890 г., они владели домами в 161 квартале Третьей части города. Участки № 3 и 4 занимал Василий Ефимович. На них располагались «каменный флигель и под ним палатка и холодные службы, два амбара, навес и три смешанных амбара с навесом, все крыто железом». Участок № 5 занимали совместно Степан Ефимович и Дмитрий Ефимович. Первый был владельцем деревянного дома, двух амбаров, крытых железом, и каретника, крытого тесом. Второй владел двумя деревянными флигельями (один из них с подвалом) и складами, крытыми тесом [8, л. 84 об. — 85]. Судя по сохранившимся архивным делам, практически все пространство, ограниченное сегодня улицами Пионерской, Чернореченской, Милиционерской, Черепановых, Слесарным и Банным переулками, принадлежало семейству Мякиньюковых и их наследникам. Родственные связи в купеческой среде играли очень важную роль. Ведя в целом довольно замкнутый образ жизни, провинциальное купечество поддерживало внутриклановые контакты, которые могли расширяться за счет браков с другими купеческими династиями.

Наличие при домах купцов всевозможных хозяйственных построек — кухонь, прачечных, конюшен, каретников и пр. — обеспечивало максимальную автономность проживания купеческой семьи. Все в доме было «свое». За всем был хозяйский пригляд. Хозяйка делала домашние припасы, которые хранились в погребах, хозяин в амбарах и подвалах хранил свои товары. Под кирпичными сводами подвалов могли в большом количестве уместиться самые разные товары, продукты и вещи. Прохлада, сохранявшаяся в них, способствовала использованию их для устройства ледников. О наличии подвалов в купеческих домах купцов Н. И. Потешина, Н. В. Ладыгина, П. Ф. Кононова свидетельствуют архивные документы [7, л. 2 об., 4 об., 24 об.]. Частыми были всевозможные флигели (каменные или деревянные) — небольшие боковые постройки под особой кровлей при главном здании, которые могли располагаться также отдельно, но неподалеку от основного сооружения. Флигели могли служить местом проживания прислуги, гостевым домом. Конюшни и каретники, возводимые на купеческих дворах, постепенно превращались в гаражи. Как писал П. Д. Райский, «с недавнего времени в Оренбурге появились автомобили, но езда на них не всякому доступна за недостатком материальных средств» [28, с. 173].

Отношение обывателей к купеческим постройкам было неровным. Многие, видя то, как легко коммерсанты обходят нормы закона при постройке своих домов, обвиняли их и в более серьезных нарушениях. При очередном распланировании Старой слободки после пожара 1864 г., когда было выделено место под площадь вокруг Покровской церкви (построенной на средства Деева), титулярная советница, вдова Остафьева, обвинила Деева в том, что тот определил дом Остафьевой под снос исключительно для того, чтобы «лучше люди видели построенный им Богу храм». На предложение Деева возместить стоимость дома Остафьевой владелица отвечала, что тот «будет ценить мой дом по-купечески. Когда его собственный великолепный дом составляет незначительную часть его состояния, то признает ли он настоящую стоимость моего бедного дома» [30, с. 46, 48].

При достижении коммерсантом определенного уровня финансового благополучия его дом приобретал все более «демонстративный» характер. Увеличивались размеры — от стандартных «в три окна» предприниматели переходили к домам в семь и более окон по фасаду. На месте деревянных «холодных служб» выстраивались каменные. Посте-

пенно купеческий особняк в провинциальном городе становился не просто гарантом стабильности купеческого капитала, но и объектом, связанным с представительскими функциями [4, с. 194], своеобразным материальным выражением растущего социального статуса и самосознания молодой российской буржуазии, до неприличия богатой, но пока еще не очень образованной.

Так, например, Е. И. Тухтин, купец 2-й гильдии, товарищ директора Оренбургского городского общественного банка, комиссар городских имуществ, владел каменным домом с подвалом, при нем флигелем и холодными службами, крытыми железом, расположенным на современной ул. Бурзянцева [8, л. 12 об. — 13]. Такой дом считался стандартным жилищем купца средней руки. Впоследствии Тухтин обзавелся более крупным домом по той же улице. Как писал о нем В. В. Дорофеев, это был «двухэтажный дом (сейчас первый этаж напоминает цокольный), Г-образный в плане, короткое крыло выходит на ул. Бурзянцева — 5 проемов, длинное — на совр. Ленинскую — 15 проемов по верхнему этажу. По этой стороне сквозь первый этаж были ворота, как показано на старинном чертеже». По словам Дорофеева, такие постройки демонстрировали «скромную торжественность» [15, с. 122—123].

У Гусева-Оренбургского в повести «Страна отцов», в которой под названием «Старомирск» был описан Оренбург, упоминаются «новые достопримечательности города: захватившие целые кварталы неуклюжие и угрюмые, но вычурные дома, — создание тупой и тяжелой архитектурской фантазии, состоящей на купеческой службе» [13, с. 82]. Дом одного из его героев, купца Широкозадова, представлял собой нелепую «смесь мавританского и русского стилей. Колонки, стрельчатые окна, резные карнизы, башенки по углам, поддерживающие балкон центавры, похожие на утопленников...» [13, с. 83]. Присмотревшись к особняку В. Е. Мякинькова на ул. Пионерской, 9, в нем также можно увидеть смесь «интерпретаций форм классицизма, барокко и даже модерна» [6, с. 47].

Однако в художественных описаниях купеческих особняков Оренбурга на первый план чаще всего выходил не экстерьер купеческого особняка, вобравшего в себя все существовавшие в человеческой истории архитектурные стили, а размер жилища: «Вот дом купца Шаповалова. Тридцать окон по переднему фасаду, — в четыре этажа, окон то больших, то маленьких, то круглых. <...> Вот дом купца Стрижикозина. Он еще только строится, но огромные леса уже заставляют обывателя говорить почтительно, с мучительной завистью: — Стрижикозин-то! Давно ли спичками торговал... Семиэтажное воздвигает!» [13, с. 83].

В пореформенном Оренбурге дома высотой более трех этажей редко возводились купцами для собственных нужд. Многоэтажными были, как правило, доходные дома и гостиничные номера. Крупные купеческие постройки, чаще всего двухэтажные, расползались вширь, занимая большую часть городского квартала. К такому планированию подталкивала относительная свобода расположения городских застроек и возникновение новых городских районов, в частности Новой слободки к северу от городской черты.

Строительство большого особняка, занимающего значительную часть городского пространства, должно было продемонстрировать соседям коммерсанта не только его солидные финансовые возможности, но и то, что он теперь был далеко не последним человеком в городе. Дом зачастую располагался на центральной улице, мимо него за день вынужденно проходили десятки человек, каждый из которых мысленно или вслух, с восторгом или завистью произносил имя владельца столь замечательного сооружения. Получалась своеобразная PR-акция, позволяющая повысить степень известности данного предпринимателя на региональном рынке.

Повышение собственной популярности было делом важным и зачастую необходимым. Большая часть оренбургских предпринимателей представляла собой бизнесменов в первом поколении, выходцев из крестьянской или мещанской среды. Многие попадали в Оренбургскую губернию с мощными колонизационными потоками, наполнившими регион после строительства Самаро-Оренбургской железной дороги, а значит, были никому не известны, не обладали нужными связями и влиянием в местном сообществе.

С. И. Гусев-Оренбургский писал о своем купце Шаповалове так: «Без дела, без средств, без знакомства, в чужом городе, побитый, потрепанный, в брюках, украшенных бахромой, в развалившихся ботинках, — служил он даже одно время при полиции, исполняя должность часового на углах улиц, где с неудачным видом фланера рассматривал проходящих, а порою принимал на себя обязанности дипломата по внутренней политике. Но эта служба ему претила. По натуре он был делец. Мало-помалу, — маклачеством, мелкой торговлей, потом биржевым маклерством, — он успел сколотить небольшие деньги» [13, с. 84].

Этот образ был как будто списан с оренбургского купца Александра Афанасьевича Белова. Современник оставил о нем такие строки: «Безграмотный крестьянин-собственник (родился во Владимирской губернии) Александр Афанасьевич 30-ти лет от роду прибыл в Оренбург пешком в плотничьей артели с тремя братьями своими. Здоровый, неутомимо трудолюбивый и ловкий по искусству владимирец-плотник Александр (младший из братьев) оказался мастером “первой руки”». Сколотив небольшой капитал, Белов «стал временно оренбургским купцом и мало-помалу обнаружил такую опытность и добросовестность в строительном деле, что мимо его редко проходили самые крупные работы казны как по военно-инженерному, так и по гражданскому ведомствам. У А. А. Белова появился свой дом, свои заводы (кирпичный, изразцовый, алебастро-известковый), свои каменоломни (цоколь, карнизы, ступени), своя водочка и паровая алебастровая мельница, свои кузницы, столярные, малярные, тележные и т.п. мастерские, свои перевозочные средства (до 70 упряжек), свои лесные склады, свои хлебопекарни, квасоварни и тому подобные хозяйственные статьи...» (цит. по: [33]).

В Оренбурге Александр Афанасьевич в 1890 г. значился собственником каменного двухэтажного флигеля, каменной палатки, крытой железом, деревянной конюшни и каретника, крытых тесом, стоимостью 6 тыс. р. Ему же принадлежал дом, «низ которого каменный, а верх деревянный, крыт железом», с деревянными службами, крытыми тесом, стоимостью около 2 тыс. р. [7, л. 3 об.]. Строения располагались в квартале, ограниченном улицами Кладбищенской (совр. ул. Фадеева), Инженерной (совр. ул. Володарского), Каргалинской (совр. ул. Комсомольская) и началом улицы Сакмарской (мысленное продолжение совр. ул. Орджоникидзе между совр. улицами Володарского и Постникова) [11]. На этом месте сейчас располагается здание Сбербанка.

В начале XX века оренбургские коммерсанты стали строить особняки в стиле провинциального модерна — упрощенного варианта этого стиля. Это была скорее дань моде, нежели сознательное обращение к эстетике модерна. Из жилых построек, передающих особенности такой архитектуры, максимально сохранились особняк Ф. Б. Сачкова (из купеческих детей, староста Петропавловской церкви [10, л. 105 об.]) на перекрестке ул. Гостинодворской (Кирова, 9) и пер. Телеграфного и лавка с жилым надстроем купца П. Я. Лазарева на углу Гостинодворской и Троицкой улиц (совр. ул. Кирова и Кобозева). Дома в этом стиле также строили для себя оренбургские купцы А. Н. Захо (пер. Малоторговый, 1), Д. М. Бутом (пер. Коммунальный, 4), ряд других оренбургских предпринимателей. Однако за исключением домов Сачкова и Лазарева, в которых можно увидеть основные черты модерна — асимметрия, разная форма окон, подчеркивание материала

постройки, в других домах этого стиля модерн присутствует весьма ограниченно, в основном проявляя себя через орнамент — «концентрические или эксцентрические окружности, или эллипсы и подвески» [15, с. 115] (см., например, дом Деевых на пересечении ул. Кирова и Кобозева).

Таким образом, следует констатировать, что купечество Оренбурга во второй половине XIX — начале XX века внесло решающий вклад в создание своеобразного городского пространства. С одной стороны, купцам-домовладельцам приходилось следовать строгим правилам, предписанным застройщикам планом города, распоряжениями городских властей и Строительным уставом. После ликвидации крепости и ряда крупных пожаров Оренбург стал застраиваться преимущественно каменными купеческими строениями, выполнявшими не только утилитарные, но и представительские функции. С другой стороны, пестрота населения Оренбурга в плане этнического состава, религиозной принадлежности, мест первоначального проживания горожан, постоянная смена городского социума создавали обстановку большей внутренней свободы жителей, нежели в городах с давно сложившимся и стабильным обществом.

Такая относительная свобода не привела к складыванию единого стилевого оформления городского пространства, однако способствовала формированию индивидуальных архитектурных стилей, проявляющихся через детали — наличники, лепнину, орнамент и другие «любимые» архитектурные приемы оренбургских коммерсантов. Специфика архитектуры купеческого домовладения могла быть связана с местом первоначального проживания коммерсанта, его сословным происхождением, уровнем его образования и, конечно, степенью финансовой состоятельности.

Сохранение значительного фонда купеческих домовладений второй половины XIX века в современном Оренбурге превращает город в своеобразный музей под открытым небом, рассказывающий о деяниях и характере местного купечества.

Статья выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-49-560001 р-а «Оренбург купеческий. Городской ландшафт как пространство повседневности».

Список использованных источников и литературы

1. Абдрахманов К. А., Бурлуцкая Е. В. Леск. Гершен-Горин. Бутом. Еврейское купечество в истории Оренбурга // Купечество оренбургское : сб. статей. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2017. Вып. 2. С. 24—28.
2. Балюшина Ю. Л. Город как специфический локус жизненного пространства человека (социально-философский аспект) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 7. С. 39—41.
3. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб. : ООО «Полтораки», 2014. 440 с.
4. Бойко В. П. Томское купечество в конце XVIII — XIX в. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. 320 с.
5. Бурлуцкая Е. В., Абдрахманов К. А. Зарывновы. Торговые люди, торговое дело, торговый дом // Купечество оренбургское : сб. статей. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 31—38.
6. Бурлуцкая Е. В., Шлеюк С. Г. Мякинниковы. Владельцы настоящего дворца // Купечество оренбургское : сб. статей. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 46—55.
7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 982.
8. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 983.
9. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 675.
10. ГАОО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 204.
11. ГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 6074.
12. ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4389.
13. Гусев-Оренбургский С. И. Страна отцов // Сборник № 4 товарищества «Знание» за 1904 год. СПб., 1905. С. 75—294.

14. Дождевых С. М. Купеческий заказчик в истории вятской архитектуры (на примере магазина П. П. Клобукова) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 2, № 2. С. 169—173.
15. Дорофеев В. В. Архитектура г. Оренбурга XVIII—XIX вв. Оренбург : ИПК «Южный Урал», 2007. 176 с.
16. Зименкова Л. Д. Особенности архитектуры купеческих усадеб малых городов Среднего Поволжья конца XIX — начала XX века // Academia. Архитектура и строительство. 2013. № 4. С. 58—61.
17. Лавицкая М. И. Повседневная жизнь купечества Орловской губернии во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4. С. 30—39.
18. Лернер Л. А. Пространство повседневности русского купечества в XIX веке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 57. С. 204—210.
19. Лобысевич Ф. И. Город Оренбург : историко-статистический очерк. СПб. : Типография Э. Гоппе, 1878. 60 с.
20. Лосин Д. О. Купеческая архитектура Саратова как культурная доминанта провинциального города : автореф. дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2011. 19 с.
21. Маслова И. В. Городские смыслы и современная урбанизация // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 3. С. 181—185.
22. Маслова И. В. Провинциальный уездный город Российской империи XIX — начала XX в.: на материалах Вятской губернии // Малые и средние города России: прошлое, настоящее и будущее : материалы VI Междунар. Стахеевских чтений. Елабуга : Елабужский институт КФУ, 2013. С. 108—113.
23. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 408.
24. [Неизвестный] Воровство в Оренбурге // Оренбургский листок. 1887. № 3.
25. Обнорская Н. В. История купечества как составляющая туристского бренда исторического города (на примере Ярославля) // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10, № 2 (63). С. 54—66.
26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. СПб. : Тип. «Т-ва Художественной печати», 1905. 198 с.
27. Рагозин Е. И. Путешествие по русским городам. Часть 1: Симбирск, Самара, Ставрополь, Бузулук, Оренбург, Бугуруслан // Русское обозрение. 1891. № 7. URL: <https://rus-turk.livejournal.com/478826.html> (дата обращения 26.06.2018).
28. Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2000. 176 с.
29. Сенатские ведомости. 1859. № 54.
30. Столянский П. Н. Город Оренбург: материалы к истории и топографии города. Оренбург : Оренбургская губ. тип., 1908. 399 с.
31. Судакова О. Н. Купеческий город как поле культуры повседневности торгово-промышленного сообщества Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-3 (50). С. 185—187.
32. Судакова О. Н. Торговые пассажи как форма пространства культуры повседневности сибирского купечества // Идеи и идеалы. 2017. Т. 2, № 1 (31). С. 123—132.
33. Судоргина Т. В. Памятник купцу Белову // Вечерний Оренбург. 2004. 17 марта.
34. Устав строительный. Издание 1900 года // Свод законов Российской империи : в 5 кн. СПб., 1912. Кн. 5. Т. XXII. Ч. 1. С. 208—242.
35. Фролова С. М. Организация пространства повседневного бытия // Власть. 2013. № 11. С. 123—126.

Поступила в редакцию 01.07.2018

Бурлуцкая (Банникова) Елена Вадимовна, доктор исторических наук, доцент
 Оренбургский государственный педагогический университет
 Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
 E-mail: ida777@yandex.ru

UDC 94(470.56)“18/19”

E. V. Burlutskaya (Bannikova)**The city that creates and is created. Post-reform Orenburg as a daily life space of merchants**

The article explores the problem of mutual influence of citizens and urban space on the example of Orenburg in the second half of the 19th — early 20th century. The specific composition of the merchant community in the post-reform Orenburg and distinctive features of merchants' influence on the city development are analyzed on the basis of archival data and information from published sources. The article lists the most common types of merchant households, and shows the correlations between the personalities of mansion and estate owners, their professional activities and group psychology. The author comes to the conclusion that the Orenburg merchants with their various migratory statuses and as a group with peculiar ethnic, religious composition have significantly influenced the urban space, forming it in accordance with their own demands and tastes. The developing urban environment, in its turn, shaped new generations of Orenburg entrepreneurs.

Key words: daily life, city, province, merchants, entrepreneurs, urban space, mansion, manor.

Burlutskaya (Bannikova) Elena Vadimovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: ida777@yandex.ru

References

1. Abdrakhmanov K. A., Burlutskaya E. V. Lesk. Gershen-Gorin. Butom. Evreiskoe kupechestvo v istorii Orenburga [Lesk. Gershen-Gorin. Butom. Jewish merchants in the history of Orenburg]. *Kupechestvo orenburgskoe: sbornik statei* [Merchant Orenburg: a collection of articles]. Orenburg, OGPU Publ., 2017, is. 2, pp. 24—26. (In Russian)
2. Balyushina Yu. L. Gorod kak spetsificheskii lokus zhiznennogo prostranstva cheloveka (sotsial'no-filosofskii aspekt) [The city as a specific locus of a person's living space (socio-philosophical aspect)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura — Society: Philosophy, History, Culture*, 2016, no. 7, pp. 39—41. (In Russian)
3. Bannikova E. V. *Povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo kupechestva (na materialakh gubernii Urala doreformennogo perioda)* [The daily life of the provincial merchants (on the materials of the provinces of the Urals pre-reform period)]. St. Petersburg, OOO "Poltorak" Publ., 2014. 440 p. (In Russian)
4. Boiko V. P. *Tomskoe kupechestvo v kontse XVIII — XIX v. Iz istorii formirovaniya sibirskoi burzhuzii* [Tomsk merchant in the late XVIII — XIX century. From the history of the formation of the Siberian bourgeoisie]. Tomsk, 1996. 320 p. (In Russian)
5. Burlutskaya E. V., Abdrakhmanov K. A. Zaryvnovy. Torgovye lyudi, torgovoe delo, torgovy dom [Zaryvnovs. Trading people, trading business, trading house]. *Kupechestvo orenburgskoe: sb. statei* [Merchant Orenburg: a collection of articles]. Orenburg, OGPU Publ., 2016, pp. 31—38. (In Russian)
6. Burlutskaya E. V., Shleyuk S. G. Myakin'kovy. Vldel'tsy nastoyashchego dvortsa [Myakinkovs. Owners of this palace]. *Kupechestvo orenburgskoe: sbornik statei* [Merchant Orenburg: a collection of articles]. Orenburg, OGPU Publ., 2016, pp. 46—55. (In Russian)
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archives of the Orenburg Region] (GAOO). F. 41. Op. 1. D. 982.
8. GAOO. F. 41. Op. 1. D. 983.
9. GAOO. F. 41. Op. 1. D. 675.
10. GAOO. F. 41. Op. 2. D. 204.
11. GAOO. F. 124. Op. 2. D. 6074.
12. GAOO. F. 173. Op. 3. D. 4389.
13. Gusev-Orenburgskii S. I. Strana otsov [Country of the Fathers]. *Sbornik № 4 tovarishchestva "Znanie" za 1904 god* [Collection No. 4 of the "Knowledge" Association for 1904]. St. Petersburg, 1905, pp. 75—294. (In Russian)
14. Dozhdevykh S. M. Kupecheskii zakazchik v istorii vyatskoi arkhitektury (na primere magazina P. P. Klobukova) [The merchant customer in the history of Vyatka architecture (on the example of P. P. Klobukov's shop)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2008, vol. 2, no. 2, pp. 169—173. (In Russian)

15. Dorofeev V. V. *Arkhitektura g. Orenburga XVIII—XIX vv.* [Architecture of Orenburg XVIII—XIX centuries]. Orenburg, IPK “Yuzhnyi Ural” Publ., 2007. 176 p. (In Russian)
16. Zimenkova L. D. Osobennosti arkhitektury kupecheskikh usadeb malykh gorodov Srednego Povolzh'ya kontsa XIX — nachala XX veka [Features of the architecture of merchant estates of small towns of the Middle Volga region of the late XIX — early XX century]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo — Academia. Architecture and Construction*, 2013, no. 4, pp. 58—61. (In Russian)
17. Lavitskaya M. I. Povsednevnyaya zhizn' kupechestva Orlovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka [The daily life of the merchants of Orel province in the second half of the XIX — early XX century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 4, pp. 30—39. (In Russian)
18. Lerner L. A. Prostranstvo povsednevnosti russkogo kupechestva v XIX veke [The space of the everyday life of the Russian merchants in the XIX century]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2008, no. 57, pp. 204—210. (In Russian)
19. Lobysevich F. I. *Gorod Orenburg: istoriko-statisticheskii ocherk* [The city of Orenburg: historical and statistical essay]. St. Petersburg, Tipografiya E. Goppe Publ., 1878. 60 p. (In Russian)
20. Losin D. O. *Kupecheskaya arkhitektura Saratova kak kul'turnaya dominanta provintsial'nogo goroda: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [Merchant architecture of Saratov as a cultural dominant of the provincial city. Abstr. Cand. Dis.]. Saratov, 2011. 19 p. (In Russian)
21. Maslova I. V. Gorodskie smysly i sovremennaya urbanizatsiya [Urban senses and modern urbanization]. *Novoe proshloe — The New Past*, 2017, no. 3, pp. 181—185. (In Russian)
22. Maslova I. V. Provintsial'nyi uezdnyi gorod Rossiiskoi imperii XIX — nachala XX v.: na materialakh Vyatskoi gubernii [Provincial district city of the Russian Empire of the XIX — early XX century: on the materials of the Vyatka province]. *Malye i srednie goroda Rossii: proshloe, nastoyashchee i budushchee: materialy VI Mezhdunar. Stakheevskikh chtenii* [Small and medium-sized cities of Russia: past, present and future: materials VI Intern. Staheevsky readings]. Elabuga, Elabuzhskii institut KFU Publ., 2013, pp. 108—113. (In Russian)
23. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archives of the Republic of Bashkortostan]. F. I-138. Op. 2. D. 408.
24. (Neizvestnyi) Vorovstvo v Orenburge [Theft in Orenburg]. *Orenburgskii listok*, 1887, no. 3. (In Russian)
25. Obnorskaya N. V. Istoriya kupechestva kak sostavlyayushchaya turistskogo brenda istoricheskogo goroda (na primere Yaroslavlya) [The history of the merchant class as a component of the tourist brand of the historic city (based on the example of Yaroslavl)]. *Servis v Rossii i za rubezhom — Services in Russia and abroad*, 2016, vol. 10, no. 2 (63), pp. 54—66. (In Russian)
26. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta. T. XXVIII: Orenburgskaya guberniya* [The first general census of the Russian Empire, 1897. Publication of the Central Statistical Committee. Vol. XXVIII: Orenburg Province]. St. Petersburg, Tip. “T-va Khudozhestvennoi pečati” Publ., 1905. 198 p. (In Russian)
27. Ragozin E. I. Puteshestvie po russkim gorodam. Chast' 1: Simbirsk, Samara, Stavropol', Buzuluk, Orenburg, Buguruslan [Traveling to Russian cities. Part 1: Simbirsk, Samara, Stavropol', Buzuluk, Orenburg, Buguruslan]. *Russkoe obozrenie*, 1891, no. 7. Available at: <https://rus-turk.livejournal.com/478826.html>. Accessed 26.06.2018. (In Russian)
28. Raiskii P. D. *Putevoditel' po gorodu Orenburgu* [A guide to the city of Orenburg]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo Publ., 2000. 176 p. (In Russian)
29. *Senatskie vedomosti*, 1859, no. 54.
30. Stolpyanskii P. N. *Gorod Orenburg: materialy k istorii i topografii goroda* [Orenburg: materials for the history and topography of the city]. Orenburg, Orenburgskaya gub. tip. Publ., 1908. 399 p. (In Russian)
31. Sudakova O. N. Kupecheskii gorod kak pole kul'tury povsednevnosti torgovo-promyshlennogo sosloviya Sibiri [Merchant city as a field of everyday culture of the trade and industrial estate of Siberia]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 10-3 (50), pp. 185—187. (In Russian)
32. Sudakova O. N. Torgovye passazhi kak forma prostranstva kul'tury povsednevnosti sibirskogo kupechestva [Trade Passages as a Form of the Space of the Culture of the Siberian Merchants' Everyday Life]. *Idey i idealy — Ideas and ideals*, 2017, vol. 2, no. 1 (31), pp. 123—132. (In Russian)
33. Sudorgina T. V. Pamyatnik kuptsu Belovu [Monument to merchant Belov]. *Vechernii Orenburg*, 2004. March 17. (In Russian)
34. Ustav stroitel'nyi. Izdanie 1900 goda [Building Charter. 1900 Edition]. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii: v 5 kn.* [Code of Laws of the Russian Empire: in 5 books]. St. Petersburg, 1912, book 5, vol. XXII, part 1, pp. 208—242. (In Russian)
35. Frolova S. M. Organizatsiya prostranstva povsednevnogo bytiya [Organization of the space of everyday life]. *Vlast' — The Power*, 2013, no. 11, pp. 123—126. (In Russian)